

рен человек, когда дело касается чужой души, что Дарион был по-настоящему предан Урдрику. Ходят слухи, что их связывали кровные узы, но у меня нет никаких тому подтверждений...»

Омарейл раздраженно пробежалась взглядом по строчкам, где старый летописец рассказывал об отношениях Урдрика с его ближайшим кругом, и ткнула пальцем в абзац, в котором говорилось о побеге цареубийц из-под носа у стражи. Здесь она снова начала вчитываться в каждое слово.

«Стража стояла на входе и выходе Последней стены, на площадках каждой башни, Северные ворота были заперты, а на Часовой башне над ними всегда дежурили лучшие солдаты. С моря Орделион охраняли три небольших судна. Поэтому нам и по сей день неизвестно, как преступники смогли проникнуть на площадку Черной башни, убить четырех стражников и Короля, а затем исчезнуть незамеченными. Но вот что мне известно: в деле был замешан и Вейд. Послед-

ний все детство провел в замке и знает, должно быть, все его тайные ходы. Так, полагаю, убийцы и проникли в крепость».

Омарейл снова вернулась к изучению плана Орделиона. Где-то здесь, в Черной башне, должен был быть секретный ход, по которому можно тайно пробраться в крепость и так же тайно покинуть ее.

Еще три месяца назад она перерисовала все лестницы и площадки Черной башни на большой лист, чтобы дотошно измерить каждый поворот, каждый угол, каждую стену и выяснить, где прятался этот потайной ход. Но, увы, обычный план не раскрывал секретов.

Оставался один путь — получить самые ранние чертежи Орделиона, Первейший План, созданный еще до строительства. Тот содержал схему всех тайных лестниц, туннелей и ходов, но охранялся настолько надежно, что даже сам Король не мог ознакомиться с чертежами, не уведомив о том начальника королевской стражи. И пока что Омарейл в допуске к ним отказали.

Однако и летопись Доминасолис, книгу, в которую методично записывали все тщательно охраняемые тайны династии, ей дали не сразу. Омарейл не один день упрашивала мать принести ей том хотя бы на несколько дней. Если кто-то и мог смягчиться, так это она. Омарейл получила летопись на четверо суток и за это время переписала ее всю. На исходе четвертого дня руки ее едва слушались, глаза болели, а сама рукопись заняла все страницы сборника сказаний и легенд Ордора: чтобы не вызывать подозрений заказом такого количества тетрадей, она взяла самый увесистый альманах в своей библиотеке и писала прямо поверх порядком выцветшего текста.

Раздалась мелодичная трель — звонок оповещал о том, что подали завтрак. Омарейл прошла через гостиную к изящной двери с цветочным орнаментом из малахита и яшмы, открыла ее и оказалась в передней комнате. Там на столике стоял поднос, накрытый серебряным куполом. Поворот рычага — и столик, негромко позвякивая приборами, проехал по рельсе в гостиную и остановился у обитой изумрудным бархатом кушетки. Хозяйка комнаты тоскливо взглянула на высокие

§

дубовые двери, за которые не выходила ни разу за свои двадцать два года, и отправилась завтракать.

Она мало внимания уделяла тому, что ела. Ее мысли были заняты устройством города. Она представляла себе сердце Астрара, просторную Площадь Салкан, что лежала за Северными воротами. Ее воображение живо рисовало залитые светом проспекты, разъезжающие по ним омнибусы и конные трамваи, торговые лавки с немыслимыми товарами и куда-то спешащих людей. Последних ее мысленный взор рисовал хуже всего: это были лишь бесформенные пятна, одетые в самые разные наряды. Она никогда не видела живого человека; только собственное отражение в большом зеркале да тайком добытые журналы и фотографии давали ей представление о том, как выглядели люди. И еще, разумеется, несколько портретов, что висели в ее комнатах, но те были лишь бледной тенью реальных личностей.

Покончив с завтраком, Омарейл произнесла в бронзовый громкоговоритель:

— Стражи, я приступила к занятиям. Прошу меня не беспокоить.

Давно уже не было необходимости говорить об этом: за последние два года все обитатели замка привыкли к тому, что вплоть до обеда — в два часа — Омарейл уединялась в своих покоях и никого не принимала. Она последовательно привыкла к этому все свое окружение.

Омарейл подошла к большому портрету на стене. Его Величество Король Ордора и Старший Патер Астрара Горг Златовласый смотрел на нее с укором. Омарейл впервые заметила, что взгляд деда был осуждающим и строгим, еще в шестилетнем возрасте. Тогда она решила, что портрет повесили сюда специально, чтобы, стоило ей задумать шалость, суровый лик Горга Златовласого заставлял ее одуматься.

Когда-то это работало, но те дни давно прошли.

Осторожно отодвинув портрет в сторону, она уставилась на дыру в кирпичной кладке. Проем был достаточно большим, чтобы хрупкая девушка могла пролезть в него. Сжав в руках порядком помятый серебряный нож, Омарейл залезла в ка-

менную нору и взялась за дело. Вот уже шестнадцать месяцев это занятие являлось частью ее утреннего ритуала.

Кирпич хорошо крошился даже под мягким металлом, но дело все равно шло очень медленно. Если бы только у нее был хороший клин и молот! Но шум обязательно привлек бы внимание стражи. Да и заказ таких инструментов в комнаты вызвал бы ненужные вопросы.

Три часа монотонного занятия — и целый мешок наполнился строительным мусором. Омарейл оттащила его в оранжерею, где приоткрыла большое окно и принялась неторопливо выбрасывать обломок за обломком в бурное море. Не следовало выкидывать все разом, так как ветер мог унести мусор на соседнюю Птичью стену или водный патруль мог обратить внимание на странности, происходившие в Лебединой башне. Омарейл нельзя привлекать внимание.

Порядком устав, она все же решила в этот день потратить на тайный ход немного больше времени, чем обычно, и вернулась в нору. Одно движение — и Омарейл поняла, что дошла до конца. Толщина стены составляла около семидесяти сантиметров, как девушка и рассчитывала, и вот она увидела заднюю поверхность холста. Ее предположения и здесь оказались верны: по плану именно на этом месте должен был висеть портрет Эйгира Доминасолиса, ее отца.

Бешеный стук сердца невозможно было унять ни глубоким дыханием, ни мысленным счетом до десяти. Все еще до конца не веря в свое счастье, Омарейл принялась осторожно убирать осколок за осколком, чтобы сделать отверстие больше. Предстояло еще много работы, но теперь, впервые за несколько месяцев по-настоящему ощущив запах свободы, Омарейл не чувствовала усталости.

Время обеда настало слишком быстро, но, едва услышав набившую осколину трель, она поняла, как проголодалась. Столик на колесах проделал свой путь по блестящей рельсе, Омарейл поставила поднос на обеденный стол и с аппетитом съела все, что приготовили для нее королевские повара.

Вернув на место портрет Горга Златовласого, умывшись от грязи и пыли и сменив платье, она убрала с письменного стола все планы и книги и прошла в Комнату Встреч.

В это время в гостиной, спальне и библиотеке на втором этаже слуги наводили порядок. Омарейл же общалась со своим ближним кругом.

Первыми пришли родители. С ними разрешалось пользоваться зеркалом. Впрочем, зеркалом оно было только для нее. Король и Королева видели свою дочь точно через стекло. Так того требовало пророчество, и так они могли ухаживать за Омарейл, когда та была совсем малышкой. Специальные механизмы разрабатывались лучшими изобретателями Ордора, чтобы можно было менять пеленки, кормить и даже купать младенца, не находясь с ним в одной комнате.

— Из казны были выделены средства на строительство дополнительного корпуса Королевского госпиталя в Лебрихане, — делился Король. — Он будет располагаться за пределами города, но добраться туда можно на специально запущенном омнибусе. Инженеры уже показали мне проект, выглядит многообещающе. Вообрази, там появятся парк для оздоровительных прогулок и целое крыло — под детские палаты. С комнатой для игр и кукольным театром.

Омарейл скучающе рассматривала резной деревянный потолок, забыв на мгновение, что родители могли ее видеть.

— Ваше Высочество, — строго сказал отец. — Это не досужие толки. Это то, чему вы должны уделять пристальное внимание. Однажды принятие решений о распределении средств будет твоей обязанностью, Омарейл. И что ты будешь делать?

— Бериот позаботится об этом, не так ли? — с вызовом ответила она, понимая, что перечит Королю лишь от скуки.

— И Ордором будет править Советник!

Королева, почувствовав назревающую бурю, поспешила сменить тему, мягко заметив:

— Кроме того, Омарейл, мы много раз говорили тебе, что принцессе не пристало закатывать глаза. Даже если собеседник тебя не видит, ты должна сохранять осанку и благожелательное выражение лица. И ни в коем случае не вздыхать!

Подобные вспышки упрямства со стороны Омарейл не были редкостью, хотя со временем ее нрав и смягчился. Ко-

гда-то все считали, что во всем виноват переходный возраст. Недавно же она поняла, что сердила родителей намеренно. В глубине души она винила их в том, что они позволили предсказанию определить ее судьбу и навсегда заточить в башне.

Позже в тот день к Омарейл пришла Севастьяна. С кузиной ей разрешалось говорить только через непроницаемую стену со встроенными в нее глиняными сосудами. Благодаря такой системе голос собеседника слышался так, будто человек находился в этой же комнате.

— Думаешь, ты могла бы достать для меня Первейший План?

Севастьяна рассмеялась.

— Ну знаешь, лучше бы ты попросила у меня луну с неба.

Омарейл пропустила это мимо ушей.

— Думаю, я знаю, как можно сделать это. Только представь, мы могли бы узнать про все тайные ходы замка...

— Зачем? Ну, предположим, я могла бы проходить из королевского корпуса в Лебединую башню в два раза быстрее. К чему это?

— Ну, где твой авантюризм, Севас? — с толикой раздражения спросила Омарейл, а затем пустила в ход свой главный козырь: — Ты же знаешь, как мне здесь одной скучно... Если бы мы получили Первейший План, а затем изучили все тайные ходы Орделиона, разве это не стало бы потрясающим приключением?

Тишина в ответ говорила о том, что Севастьяна готова сдаться. Она знала, что ею манипулировали, но никогда не могла противостоять этому.

— Только подумай, скоро ты выйдешь замуж и уедешь от меня. Возможно, это наша последняя шалость...

— Шалость! Если об этом узнают, мне так достанется! — недовольно отозвалась Севастьяна, но по чуть дрогнувшему голосу Омарейл поняла, что сопротивление было практически сломлено.

— Никому не нужно об этом знать, — продолжила она заговорщически. — Никто ведь не узнал про спортивный

костюм, про пластинку Блудниц, про дамские романы, про фотографии Астрара...

— Ради Солнца, не напоминай мне об этом, у меня до сих пор руки дрожат! — воскликнула Севастьяна. — И это, вообщем-то, совсем другое. Одно дело — пронести к тебе контрабанду, другое — украсть самую охраняемую книгу в Ордоре!

— Мы не будем ее красть, Севас. Мы просто сделаем копию.

— Это государственная измена, — прошептала Севастьяна сокрушенно, и Омарейл представила, как ее сестра качает головой.

Омарейл легко находила себе оправдание.

Ее появления на свет ждало все королевство Ордор. Седьмого числа седьмого месяца 540 года Доминасолис у Короля Эйгира родилась дочь, наследница престола. Но не успели родители согреть малышку в своих объятиях, как произошло страшное событие, изменившее всю жизнь королевской семьи.

Госпожа Дольвейн, или Сова, как некоторые звали ее, едва взглянув на девочку, упала без сознания. Когда женщина очнулась — всего через полминуты, — ее глаза покернели.

Как потом рассказывали все присутствовавшие при этом, еще до того, как Сова смогла вымолвить хоть слово, каждого в комнате охватил ужас.

— Мое сердце точно пронзило холодом, — говорил главный придворный лекарь.

— Мне никогда в жизни не было так... страшно, — признался Бармотон, начальник королевской стражи, могучий воин, отправивший за решетку бесчисленное количество убийц и воров.

Сова заговорила не своим голосом:

— Грядет страшная война. Тысячи падут мертвыми у стен Орделиона. Отцы и матери, дочери и сыновья оставят свои семьи и станут жертвами самой кровавой битвы за всю историю Ордора. Брат пойдет на брата, сын — на мать, ибо это будет гражданская война. Война страшнее, чем до Сола, нашего Первого Патера.

Никто из присутствующих не мог пошевелиться или вымолвить хоть слово. Все знали, что Сова способна видеть то, чего не видят другие, угадывать правду за самой талантливой ложью и каким-то волшебным образом заставлять других верить в свои слова. Никто и на секунду не усомнился в том, что сделанное предсказание было Самым Настоящим Пророчеством. А к пророчествам в Ордоре относились со всей серьезностью.

— Ключ к миру, — продолжила Сова, — Омарейл Эйгир Доминасолис, дочь Афлейн. Покуда ни одна живая душа, кроме трех, не увидит ее лица, покуда она не увидит ни одного живого лица, покуда стена разделяет ее и Ордор, в королевстве будет мир.

Иногда Омарейл думала, что лучше бы Сова предсказала, будто от войны спасет смерть младенца.

Для наследницы престола были созданы самые лучшие условия. Пока она была малышкой, манеж, служивший ей кроваткой, прикреплялся к стене с двумя отверстиями. К отверстиям присоединялись длинные кожаные перчатки — только так родителям было дозволено ухаживать за дочерью. Они, наблюдая через зеркальное окошко, играли с ней серебряными погремушками, кормили при помощи фарфоровой бутылочки и давали коралловую соску с золотым держателем, если Омарейл плакала.

У принцессы всегда были самые лучшие, самые красивые игрушки. Ей регулярно читали книги, а когда она научилась читать сама — отстроили в ее покоях библиотеку. У нее были наряды и ленты, украшения и духи.

Но с самого детства девочка мечтала лишь о двух вещах: обнять родителей и покинуть свои комнаты.

Малышкой она думала, что так и устроена жизнь, что это совершенно обыкновенное дело — жить в одиночестве, никогда не покидать дом, не знать тепла человеческого тела. Но чем старше она становилась, тем отчетливее понимала необычность своего положения. И каждый раз перед сном она фантазировала, как могла бы, хотя бы на час, оставить свои покой, пройтись по замку, прогуляться по улицам Ордора.

Когда ей было двенадцать и Омарейл всерьез подумывала о том, чтобы выпрыгнуть из окна, ей предложили построить оранжерею. Пять месяцев шли работы, и вот в ее гостиной появилась еще одна дверь, которая вела в просторную комнату со стеклянными стенами и крышей. Снаружи все они были зеркальными, а изнутри Омарейл могла видеть небо, широкий разлив реки и каменные утесы, на которых возвышался Орделион. В оранжерее были посажены самые разные растения и сделаны дорожки, по которым принцесса могла гулять. Некоторые окна приоткрывались, позволяя ей ловить руками солнечные лучи.

К пятнадцати годам Омарейл будто бы смирилась со своим положением. Король и Королева все чаще говорили с ней о том времени, когда она сама станет править Ордором.

— После тебя престол унаследует тетя Акира. А через нее — Севастьяна, — объяснил как-то ее отец. — Она старше тебя на три года, поэтому, вероятно, по-настоящему твоими наследниками будут будущие дети Севастьяны. Как видишь, ситуация не так уж безрадостна.

Король сумел даже произнести это бодрым голосом.

— Это означает, что ты сможешь спокойно управлять страной, есть кому передать корону.

— Слава Солнцу! — язвительно откликнулась тогда Омарейл.

— Мы должны думать о будущем, оно принадлежит не только нам, — мягко включилась в разговор Королева.

Омарейл могла продолжить ехидно отвечать на слова родителей, но она понимала, что в этом почти не было смысла. Король и Королева находили в их положении не больше радости, чем она.

За эти годы она научилась смириению. Но это не означало, что она собиралась сидеть сложа руки. Взрослые яростно ограждали Омарейл от «тлетворного влияния» и скрывали от нее многие вещи, боясь «повредить психику». Сама же она живо интересовалась обычной жизнью, старалась узнать как можно больше о том, как был устроен быт простых людей. И более прочего ее интересовали отношения между людьми.

Севастьяна тайком приносила ей запрещенные книжки, но и в них было мало жизни.

Огромной радостью для Омарейл стало изобретение и широкое распространение радио, которое провели к ней едва ли не первой в стране. Через красивый приемник из черного дерева она слушала спектакли, интервью и — с особым упоением — рекламу.

Но месяц проходил за месяцем, и принцесса начала впадать в уныние. Она достигла того возраста, когда другие начинают находить удовольствие в вещах, которых не найти в четырех стенах. Все в замке могли лезть из кожи вон, чтобы доставить в покой Омарейл лучшие игрушки, сладости, книги, музыкальные пластинки, наряды, косметику. Ее могли обучать лучшие умы Ордора. Но никто не мог подарить ей ощущение свободы и наслаждение собственной молодостью.

В свой восемнадцатый день рождения Омарейл приняла решение сбежать из Орделиона.

Разумеется, честь и любовь к родителям не позволяли ей просто оставить страну на произвол судьбы. О нет, она всего лишь решила тайно покинуть Орделион, одним глазком взглянуть на Астрапар, столицу Ордора, а затем вернуться обратно.

Да, это все равно нарушало условия пророчества. Да, это — теоретически — влекло за собой кровавую гражданскую войну.

«Но что, если никто не узнает? — думала Омарейл. — Как одна тайная вылазка может привести к ужасной бойне? Чтобы брат пошел на брата, а сын — на мать?»

Омарейл знала одно: как только она позволила себе наконец признаться в своем желании совершить побег, ее жизнь обрела смысл.

С тех пор, если внутренний голос и начинал нашептывать ей что-то, внушающее вину, она тут же заглушала его непоколебимой уверенностью, что имела право хотя бы раз в жизни поступить в своих интересах. Не думая о гипотетической и, возможно, несуществующей опасности. Если

уж и было ей суждено всю жизнь провести взаперти, она могла себе позволить одну-единственную безобидную прогулку по Астрару.

Последним аргументом было то, что ей предстояло править Ордором — а как она могла править людьми, если даже не видела ни одного живого человека? Разве можно стать хорошим монархом, не зная, чем живут подданные? Да, ей приносили газеты и журналы, с ней обсуждали значение тех или иных событий, но это — лишь молочная пенка на кофе. Сам вкус напитка был скрыт.

Прошло четыре года, прежде чем Омарейл по-настоящему приблизилась к исполнению своей мечты. Поначалу она размышляла о побеге скорее как о некой возможности, не прилагая усилий к тому, чтобы осуществить задуманное. Затем она стала более серьезно изучать способы незаметно покинуть замок и так же незаметно вернуться в него. Долгое время это казалось чем-то невыполнимым, но маленький отрывок в учебнике истории подарил ей надежду.

Теперь ей требовалась помошь Севастьяны.

В семь вечера раздался звон колокольчика: это означало, что кто-то пришел к Омарейл с визитом. Она никого не ждала и потому немного удивилась. Убрав книги по военному делу — она готовилась к экзамену по этому предмету, — Омарейл прошла в Комнату Встреч.

— Ваше Высочество, — услышала она мягкий мужской голос и нахмурилась.

К ней наведался господин Дольвейн, сын Совы, Советник Короля. А он редко заходил в гости без предупреждения.

— Бериот, что случилось? — спросила она прямо и услышала деликатный смешок.

— Мне, право, немного обидно, что вы, Ваше Высочество, считаете, будто я прихожу только по делу. Мне доставляет удовольствие просто беседовать с вами.

Омарейл подозрительно сузила глаза, но он, конечно, этого не увидел.

— Разумеется, Бериот. Так что случилось?

На этот раз он усмехнулся почти беззвучно.

— Госпожа Дольвейн заметила, что вы в последнее время проявляете особый интерес к истории. Она считает, это нужно поощрить.

Омарейл внутренне напряглась, но со всей доступной ей вежливостью спросила:

— Каким образом?

— Я принес вам несколько книг по истории Ордора. Редких книг. Полагаю, вам не доводилось читать ничего подобного. Я оставлю их в передней.

Омарейл поблагодарила за такую предусмотрительность, а он продолжил:

— Прошу, Ваше Высочество, если у вас появятся какие-либо вопросы, можете задать их мне. Я подробно изучал историю в университете и всегда питал к ней особые чувства. Вполне вероятно, я смогу дать вам ответы, которых не найти ни в учебниках, ни даже в летописи.

Омарейл закатила глаза. Разумеется, Дольвейны уже знали, что ей дали летопись Доминасолис! Пронырливая Сова и ее сын всегда были в курсе всего, что происходило в замке.

Что ж, почти всего!

— Спасибо, Бериот, вы с госпожой Дольвейн очень добры.

Снова мягкий смешок, тихое прощание, и Советник Короля исчез, будто его и не было.

Весь вечер Омарейл была занята учебой. Военное дело сменилось языком древних, затем полчаса ушло на чтение гамм — сложных семистрофных стихотворений, которые были очень популярны два века назад.

Когда же солнце село, в замке включили газовые светильники и произошла смена караула у ее дверей. Омарейл сняла со стены портрет деда. Она забралась в нишу и погладила рукой поверхность холста на той стороне. Пока что она не могла не только пролезть в проем, но и снять портрет изнутри. Желанная свобода была так близка: протяни руку — и она у тебя в кармане. Но Омарейл нужен был не секундный триумф, а упоительная сладость победы.

На следующий день к полудню она смогла открыть окно

коло четверти портрета. Это был хороший результат. А после

обеда к ней снова пришла Себастьяна.

18

— Камера у меня, — вздохнув, сообщила гостья.
— Севас, ты мой герой!
— Я — дура, которая все время идет у тебя на поводу.
— Не говори так, ты — мать моих будущих наследников, — иронично отозвалась Омарейл.
— И каков же гениальный план?

— Проникнуть в специальное хранилище библиотеки и сфотографировать Первейший План. Затем — незаметно оттуда уйти и принести пленку мне.

— Как удачно, что ты увлекаешься фотографией и у тебя есть все, чтобы проявлять пленку и печатать снимки, — задумчиво произнесла Севастьяна.

Омарейл лишь хмыкнула, на что ее собеседница возмущенно воскликнула:

— И не пытайся убедить меня, что ты и это продумала заранее!

— Я не знала, зачем мне это может понадобиться, но была уверена, что однажды я захочу проявить что-то, кхм-кхм, нелегальное.

— Солнце и небо, этот человек будет править нашей страной!

Усевшись поудобнее в своем кресле, Омарейл сказала:

— Ладно, мне нужна пара дней, чтобы составить план, как именно ты проберешься в хранилище. От тебя понадобится кое-какая информация.

— Естественно, — недовольно отозвалась Севастьяна.

— А пока расскажи-ка мне, откуда Сова знает, что я читала летопись?

Из-за стены раздалось недовольное фырканье.

— Сова все знает.

— Ты общалась с ней недавно? — словно бы это не имело никакого значения, поинтересовалась Омарейл.

— Да, они приходили с Бериотом на чай.

Омарейл даже поднялась на ноги.

— Они с Бериотом приходили к вам на чай?

Она слышала, как Севастьяна вздохнула.

— Они делают это времяя от времени.

— Зачем?

— Знаете, Ваше Высочество, вы, конечно, живете здесь в некоторой изоляции, но даже вам должно быть известно, зачем люди приходят друг к другу на чай.

— Про людей-то я знаю, — в тон ей язвительно отозвалась Омарейл.

Севастьяна не захотела продолжать разговор и вскоре ушла, оставив Омарейл размышлять о возможных планах госпожи Дольвейн. Но времени у нее на это было немного, так как та сама пришла к принцессе с визитом двумя часами позже. Если Бериот заставил Омарейл лишь слегка насторожиться, то Сова вызвала неподдельную тревогу.

Она точно не знала, почему так не любила эту женщину: возможно, дело было лишь в том, что именно Савалия Дольвейн произнесла роковое пророчество. Так, по крайней мере, считали ее родители и Севастьяна, которые едва не богоизбрали Сову. Но Омарейл все же была склонна считать, что за ее неприязнью крылось нечто большее.

С Совой она общалась, как и с родителями, через зеркало. Именно госпожа Дольвейн была третьим человеком, которому было позволено видеть принцессу.

— Как ваши дела, Ваше Высочество? — Голос у Сoves был melodичный и обволакивающий.

Омарейл в разговорах с женщиной часто демонстрировала отсутствие интереса к беседе: так, чтобы это не выходило за рамки приличий, но все же было очевидно.

Вот и сейчас принцесса взяла в руки лалу, любимый музикальный инструмент, и принялась тихонько наигрывать лиричный мотив. Лалу когда-то подарили ей родители. Простая деревянная дощечка чуть меньше обычной книги с рядом металлических язычков в руках Омарейл становилась источником волшебных мелодий.

— Спасибо, госпожа Дольвейн, — ответила девушка. — Прекрасно. Столько нового... — В последней фразе был неприкрытый сарказм.

— Слышу, вы в приподнятом настроении, принцесса.

— Как и всегда, — был мрачный ответ. — В связи с чем незапланированный визит, госпожа Дольвейн? Сегодня не третий понедельник месяца...

— Я прихожу по вторникам, — беззлобно отозвалась на язвительную шутку Сова. — Но сегодня почувствовала желание нарушить традицию. Какое-то предчувствие...

Омарейл сердито взглянула на зеркало, за которым сидела собеседница, но увидела лишь собственное недовольное лицо. Меньше всего в жизни она любила способности этой женщины предвидеть будущее. И как Омарейл ни старалась, она не могла держать рвущееся наружу раздражение:

— Что за предчувствие? В этот раз все-таки придется меня убить?

— Ваше Высочество, — с укоризной произнесла Сова, а затем, после небольшой паузы, сказала: — У меня есть неясное ощущение, что произойдет что-то нехорошее. Но не с вами.

Отложив лалу в сторону, Омарейл раздраженно постучала пальчиком по ручке кресла. Сова продолжила:

— Все так неопределенно, Ваше Высочество, но, кажется, кто-то из ваших близких в опасности.

— Вы считаете, я как-то могу помочь? — сарднически уточнила Омарейл.

— Да. Я чувствую связь с вами. Как будто бы вы — причина, по которой человек в опасности. Я понимаю, как странно это может звучать... но вы словно бы толкаете кого-то в пропасть.

Омарейл почувствовала, что ее сердце забилось где-то в горле. Ей стало страшно. Речь шла о Севастьяне.

«Это государственная измена», — сказала она тогда. Если сестра попадется, ей действительно может угрожать тюрьма?

После нескольких секунд молчания Сова, принужденно рассмеявшись, сказала:

— Все это может оказаться полной бессмыслицей, Ваше Высочество. Возможно, мне лишь приснился дурной сон и теперь я придумала себе невесть что. Но я посчитала, что лучше прийти к вам и сказать об этом. Хорошо, если я ошибаюсь.

— Да... — с нотками растерянности в голосе ответила Омарейл, а затем, прочистив горло, продолжила: — Спасибо, госпожа Дольвейн, я учту.

Сова пожелала принцессе хорошего вечера и ушла.

Еще пару часов Омарейл обдумывала разговор с ней, и в ее голову начали закрадываться нехорошие мысли. Возможно, женщина действительно обладала уникальными способностями и невероятной интуицией. Но, возможно... возможно, она как-то узнала о планах сестер. То, что Севастьяна выдала ее, Омарейл исключала. Если она не могла доверять Севастьяне, не могла доверять никому.

А вот кое-что другое было более вероятно: очевидно, Комната Встреч прослушивалась и все, о чем Омарейл разговаривала с Севастьяной, доносилось Сове!

Но если так, как же госпожа Дольвейн допустила все предыдущие нарушения правил? Быть может, не считала их столь вопиющими? В этот раз дело оказалось действительно серьезным.

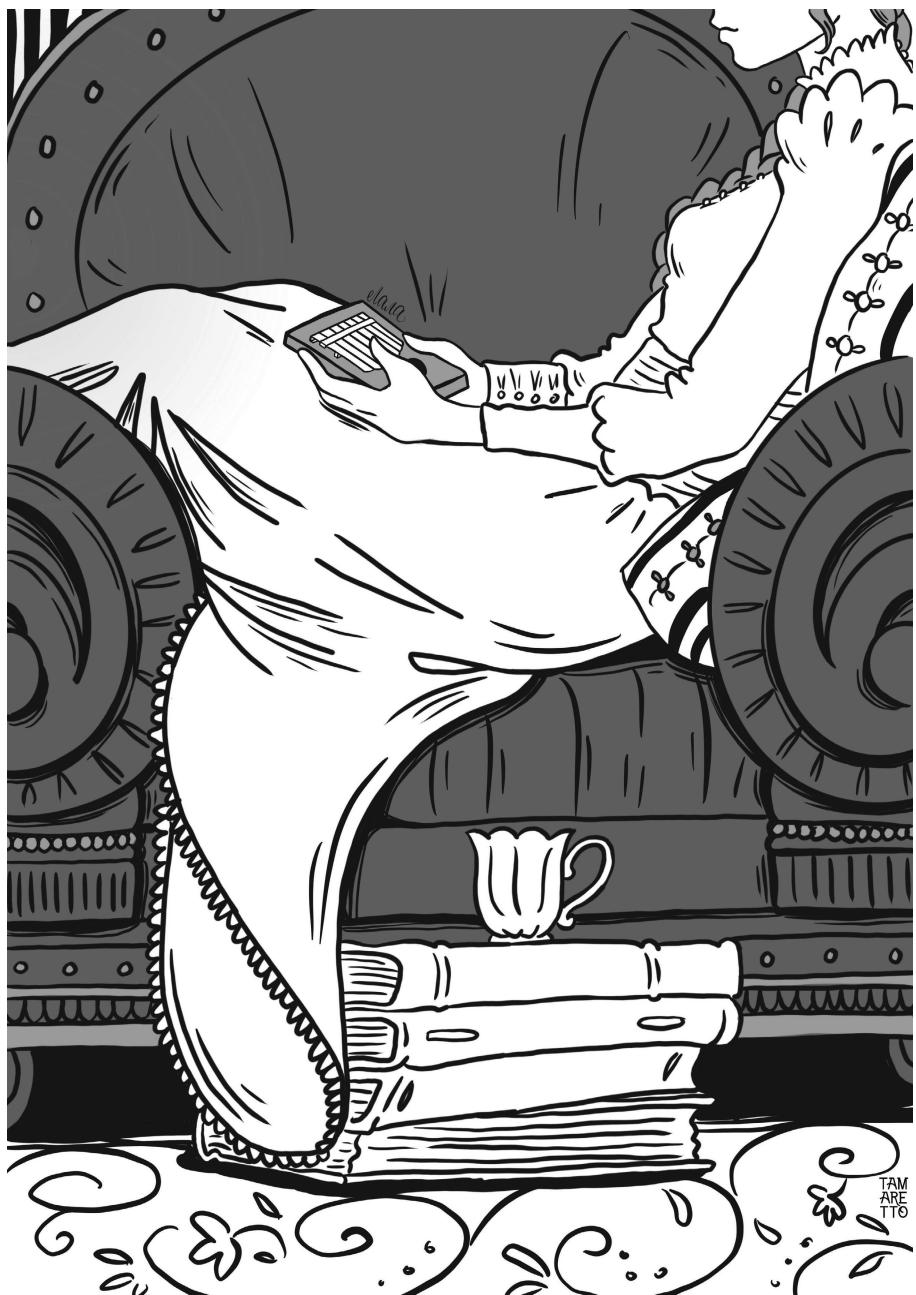
Как бы то ни было, Омарейл приняла решение больше не обсуждать вслух ни одного важного дела. Тем же вечером она подготовила три книги, которые собирались вернуть Севастьяне. В верхней она спрятала письмо.

Через день вечером Омарейл получила в обмен сборник пьес в кожаном переплете, очень рекомендуемый к прочтению. В нем оказался ответ Севастьяны. С этого момента ими было решено все важные сообщения передавать друг другу в виде писем, спрятанных в книгах, пластинках и других вещах, которыми они обменивались.

От идеи с Первейшим Планом пришлось отказаться.

На пятнадцатый день Омарейл открыла тайный проход настолько, насколько только могла, не расширяя туннель. Дождавшись глубокой ночи, она забралась в дыру в стене и попыталась снять портрет отца, не наделав при этом шума. Но ничего не получалось: рама с той стороны была заметно больше, чем сделанный проем.

Омарейл вернулась в гостиную и огляделась. Ее внимание привлекла чугунная кочерга у камина. С ее помощью она все же сумела подцепить раму, приподнять ее и снять с креплений. Портрет был тяжелым, ее ладони вспотели, и Омарейл едва не уронила картину на пол. Стражка тут же сбежалась бы на шум, но в последнюю секунду Омарейл удалось схва-

TAM
ARE
TTO

тить массивный багет и удержать его в руках, подцепив для верности снизу ногой.

Принцесса оказалась в коридоре. Хорошо изучив план, Омарейл знала, что, стоило ей пройти прямо и свернуть направо, как она оказалась бы у дверей, ведущих в ее комнаты, а именно — в комнату посетителей.

Налево уходил пустынный коридор Последней стены. Он соединял Лебединую и Черную башни.

В недавнем письме Севастьяна передала ей расписание караула. Судя по тексту, знания дались той не без труда. Омарейл была благодарна, что ее кузина не задавала лишних вопросов, иначе пришлось бы объяснять, зачем ей необходимо знать маршруты и часы обходов стражников замка.

Путь был свободен.

Тихо ступая по каменному полу, Омарейл уходила прочь от комнат, в которых провела всю свою жизнь.

В коридоре было мрачно и тихо, газовые светильники слабо освещали помещение, жадно предлагая лишь немного неровного желтого света. Омарейл казалось, что стук ее сердца эхом раздавался по всему замку. Но пока она не слышала звуков погони, поэтому продолжала свой путь.

Массивная дверь, которая вела в небольшой холл, была совсем близко, когда вдруг из-за окна рядом со входом в Черную башню послышались голоса. Она легко узнала их: разговаривали Сова и ее сын. Они шли по крытой галерее, примыкавшей к Последней стене со стороны двора, и не могли видеть Омарейл. И все же принцесса спряталась в нишу и постаралась не дышать.

— Она не готова, — донесся до нее вкрадчивый голос Бериота, но госпожа Дольвейн резко его перебила:

— Не говори чушь, она готова больше твоего. Не вздумай играть в благородство, сейчас не время для этого...

Продолжение диалога Омарейл не услышала, так как двое удалились на приличное расстояние. Дождавшись, пока сердце перестало колотиться точно сумасшедшее, она отправилась дальше — через холл, мимо лестницы, что вела

на стену, к небольшой двери. Наконец Омарейл оказалась в Черной башне.

Черная башня была небольшой и использовалась как связующее звено между разными частями замка. В ней не было комнат, лишь большие площадки с узкими окнами без стекла да лестницы. Если точнее — бесчисленное множество лестниц, логика расположения которых укрылась от Омарейл.

Спустившись пониже и убедившись, что просто вылезти из окна и оказаться на суше у нее не получится — самое низкое окно было на высоте десяти метров, — Омарейл достала из кармана сложенный вчетверо план башни.

Она методично исследовала пространство, измеряя портновским метром расстояния и толщину стен. Где-то должно было быть несовпадение. Где-то должен прятаться потайной ход.

Спустя час поисков она его нашла. В некоторых местах стены фактически были толще, чем значилось на плане. Но радоваться было рано: одно дело — найти потайной ход, другое дело — в него попасть.

— Я никого не хочу обидеть, — заявила ей на следующий день Севастьяна, — но ты сегодня на редкость скучный собеседник.

Омарейл вздохнула. Едва ли она могла объяснить, что не спала до самого утра, рыская по лестницам башни в тщетной попытке найти дверь в потайной ход. И что она так вымоталась, что едва не попалась стражникам. И что она не смогла отоспаться в течение дня, так как за час до прихода Севастьяны господин Придворный Художник принимал у нее зачетную работу: «Натюрморт из стеклянных бутылек и гипсовой головы». На его написание ушло четыре часа — и все равно из-за спешки вышло довольно плохо. Господин Придворный Художник был крайне недоволен.

Вместо всего этого Омарейл сказала:

— Наверное, сегодня вспышки на солнце.

— Тогда я, пожалуй, пойду. Хочу успеть на спектакль в Королевском театре. Бериот сказал, что он просто потрясающий.

— Так прямо и сказал?

— Ну, он сказал: «Это была не бессмысленная трата времени». Что в переводе на общечеловеческий означает: «Просто потрясающий».

Омарейл фыркнула. Ей не понравилось, что Бериот давал Севастьяне рекомендации по просмотру спектаклей. Но, с другой стороны, должны же они были о чем-то разговаривать во время своих чаепитий.

Она отпустила двоюродную сестру, а сама, сообщив страже, что желает отдохнуть, отправилась спать. Той ночью она не нашла в себе сил снова отправиться в Черную башню.

На следующий день она пригласила к себе Бериота. Если он и был удивлен, то не показал вида.

— Я посмотрела ваши книги по истории, господин Советник. Очень интересные, спасибо.

— Рад служить, Ваше Высочество.

— Вы говорили, что, если мне особенно интересны какие-то периоды, я могу обратиться к вам — и вы подскажете, что почитать.

— Именно так. Огласите ваше желание, и оно будет исполнено, — негромко отозвался Бериот.

— Мне очень интересны кризисы королевской власти. — Омарейл старалась звучать серьезно и в то же время буднично. — Я бы хотела максимально подробно изучить период, когда умер Сол и за власть боролись его сыновья, эпизод с Урдриком Ужасным и кризис в 495 году Доминасолис.

— Я был бы рад выполнить для вас и более сложное задание, — неторопливо откликнулся Бериот. — Завтра же лучшие книги на эту тему будут у вас.

— Я имею в виду максимально подробно, Бериот, вы понимаете? Все, что есть, все. Записи, дневники, свидетельства. Возможно, стенографию допросов. Необязательно спешить, я готова подождать до послезавтра.

Мягкий смешок был ей ответом.

— Разумеется, Ваше Высочество, благодарю. Теперь я чувствую вызов в вашей просьбе.

Из-за предельно вежливого тона Бериота Омарейл никогда не знала наверняка, говорил тот с сарказмом или же был искренен.

Тем не менее спустя два дня в передней ее ждал столик с возвышавшейся на нем стопкой книг, грудой свитков и фотографий. Последние, очевидно, были копиями исторических документов.

Омарейл нажала на рычаг, и сокровища отправились по рельсе в ее комнату.

Она сразу же отложила в сторону то, что касалось Сола и кризиса 495-го, — эти книги нужны были лишь для отвода глаз — и полностью погрузилась в изучение документов, посвященных смерти Урдрика Ужасного.

Потратив на это целый день, выделив лишь час на экономику, Омарейл недовольно отложила в сторону очередной документ.

Ничего. В этих бумагах и статьях не было ровным счетом ничего. В них даже не говорилось, что это было убийство, — так, несколько намеков, и все. Только в летописи откровенно сообщалось, что смерть Короля не была случайной, и даже указывалось, что в дело был замешан брат Урдрика, унаследовавший трон. Вейд.

Омарейл вскочила на ноги и подошла к бронзовому громоговорителю.

— Будьте добры, пригласите ко мне господина Советника Короля.

Ей пришлось ждать его больше часа.

— Прошу меня простить, Ваше Высочество, я был на совещании на другом конце Астрара. Дорога заняла много времени.

— Почему у вас совещания на другом конце города? Разве ваш рабочий кабинет не в замке?

— Мой брат, как вы знаете, директор школы. Мы обсуждали некоторые аспекты в сфере образования...

О, ей на самом деле было не настолько интересно!

— Хорошо, я поняла, — быстро сказала она, а затем с легко читаемой претензией в голосе продолжила: — Бериот,

в книгах и документах, которые вы привезли, сказано, будто Урдрик Ужасный сам свалился с башни.

— Факт, который, я уверен, вызвал и его недовольство тоже, Ваше Высочество.

— Но это неправда! Ладно... Возможно, вы не должны об этом знать... Скажите, сможете достать мне дневник Вейда?

— Вейда Мудрейшего? Боюсь, это невозможно, как бы мне ни хотелось угодить вам. Дневники Королей находятся за семью печатями. Их можно вскрыть лишь в случае самой крайней необходимости. Требование Вашего Высочества немного недотягивает до этого статуса.

Омарейл сникла, но затем, борясь с волнением, спросила:

— А дневники принца Вейда? Написанные им до того, как он стал Королем?

Судя по паузе, Бериот задумался.

— Это возможно. Я разузнаю.

— Моя благодарность будет безмерной, господин Советник.

— Не сомневаюсь в вашей щедрости, Ваше Высочество.

Еще три дня от Бериота не было никаких новостей. Но если Омарейл что-то и умела, так это ждать.

— Ваше Высочество, — неторопливое, спокойное приветствие заставило Омарейл нетерпеливо закатить глаза.

Хорошо, что Бериот этого не видел. Сделав над собой усилие, она в той же вкрадчивой манере ответила:

— Господин Советник, рада вас слышать. Надеюсь, у вас для меня хорошие новости.

— И да и нет, Ваше Высочество.

«О, небо и Солнце!» — мысленно воскликнула Омарейл. Стиснув зубы на несколько мгновений, она с принужденным спокойствием спросила:

— Что вы имеете в виду?

— Мне не удалось найти дневник Вейда. Его личные записи сгорели во время пожара в Вороньей башне.

Омарейл разочарованно откинулась на спинку кресла.

— Но, в качестве компенсации, я достал для вас дневник *28* самого принца Урдрика. Возможно, вы не узнаете, как сло-

жилось, что Вейд участвовал в убийстве брата, но сможете выяснить чуть больше о самом Короле и о том, что привело его к преждевременной кончине. Полагаю, эти знания будут вам также полезны.

— Бериот... спасибо, — выдохнула она. — Я думаю, это действительно достойная компенсация!

Довольный смешок и тихое прощание служили ей ответом.

За три дня Омарейл прочла все восемь пухлых тетрадей, исписанных сперва кривым, неуверенным, а затем все еще кривым, но уже достаточно твердым почерком. Она узнала много нового о реалиях того времени, прониклась симпатией к Урдрику и уже начала сожалеть о том, как сложилась судьба этого любознательного, активного мальчишки.

Урдрик был лидером от природы. В детстве он втягивал в свои игры всех ребят в округе: от знатных наследников первых семей до простых крестьянских детей. В юности очень увлеченно изучал стратегию, устраивал военные ролевые игры, где ему доставалась роль военачальника «героев», тогда как его младший брат, Вейд, командовал «врагами».

Как же вышло, что Урдрик вошел в историю как «Ужасный», а Вейд стал «Мудрейшим»? Урдрик с возрастом все больше утверждался во мнении, что власть монарха должна быть безграничной. Первые семьи, судя по всему, были к этому не готовы. А Вейд с энтузиазмом поддержал высшее сословие, получив в ответ преданность и лестное прозвище. Впрочем, он действительно был мудрым, иначе Урдрик не был бы сброшен с Черной башни, и, возможно, монархия теперь была бы совсем другой. Вейд же вывел Совет Городов на совершенно новый уровень.

Но это все было лишь интересным чтивом. Омарейл планировала извлечь из дневников иную пользу — и ей это удалось.

Одна из записей — казалось бы, совершенно незначительная и обыденная — гласила: «Советник опять следил за мной. Наверняка доложил матери, что я пропустил музенирование.

Мне кажется, что он знает про пятую лестницу, иначе как ему удается всюду поспевать?»

Разумеется, Омарейл понимала, что речь могла идти о чем угодно, но интуиция подсказывала ей: это как-то связано с Черной башней. Она не стала откладывать дело в долгий ящик и ночью отправилась на разведку.

Ее путь до башни прошел без приключений, и спустя час с тех пор, как покинула покой, она обнаружила себя сидящей на каменной лестнице. Омарейл прислонилась плечом к стене и попыталась найти в себе силы продолжить поиск. «Пятая лестница» — очень размытый ориентир.

Она проверила пятую лестницу сверху, пятую лестницу снизу и, на всякий случай, соседние с ними. Но все это не дало никаких результатов.

С трудом встав и поправив убранные в косу длинные русые волосы, она наудачу начала обследовать пятые ступени каждого лестничного пролета. Лениво осматривая одну из них, на соседней принцесса вдруг увидела значок в виде буквы S. Тот был выцарапан на камне и едва читался — повезло, что взгляд Омарейл упал именно туда. В этот-то момент она и поняла, что приняла криво начерченную Урдриком букву за цифру. Подобравшись, как была, на четвереньках, к ступени, Омарейл начала судорожно ее ощупывать. Нажала на букву S, погладила ребро, постучала по камням. Но ничего не произошло.

Еще четверть часа, и Омарейл в отчаянии застонала. Стукнув от досады кулаком по стене, она вздрогнула, услышав тихий скрип. Камни от ее удара чуть шевельнулись, заскрежетав друг о друга. Готовая рассмеяться от счастья, она надавила на камни сильнее — и те поддались, с приятным звуком отъехав в сторону. Перед ней открылся проем.

В этот момент Омарейл стало страшно. Что, если она шагнет внутрь, проем за ее спиной закроется и она никогда не сможет выбраться? Она совершенно не представляла, что ждало ее впереди.

Она шагнула на одну ступень назад, и проем сам по себе закрылся. Требовалось стоять на ступени и нажимать на сте-

ну, чтобы тайный ход открывался, поняла она. Вот почему раньше она не могла обнаружить его: вероятнее всего, она проверяла это место, стоя на другой ступени.

Так или иначе, Омарейл нашла для себя ориентир, который должен был помочь найти это место в следующий раз, и вернулась в свои комнаты.

Прежде чем прийти туда снова, Омарейл потратила день на множество важных дел. Она запросила у Бериота копию Великого Иетихона, свода законов, возникшего во времена Сола (это требовалось, чтобы Сова не узнала, чем на самом деле интересовалась принцесса); собрала сумку с фонарем, перекусом и водой в железной фляге; написала письмо о том, где ее стоило искать, и оставила его на кровати. Если ей суждено было застрять в потайном ходе Черной башни, уже на следующий день было бы обнаружено письмо — и Омарейл была бы спасена... Спасена, чтобы быть осужденной и, кто знает, возможно, отправленной за решетку за то, что поставила под угрозу мир в Ордоре.

Может быть, во имя Света, ее пожалеют и отправят доживать свои дни в Успаде, городе неподалеку от главной тюрьмы Ордора, находящемся на самом краю земли. Туда отправляют всех неугодных государству людей.

Наконец, ночью, когда с визитами и учебой было покончено, Омарейл снова отправилась к S-лестнице.

Теперь она вошла в проем — и камни за ее спиной вернулись на место, оставив Омарейл в очень узкой нише, освещаемой неровным желтым светом переносного фонаря. Ниша также имела ступени, которые вели вниз, и Омарейл отправилась в свое опасное путешествие. Ее радовало отсутствие скелетов, так как это означало, что никто не умер здесь, оставшись навечно закованным в каменном мешке. Но паутина и пыль стали причиной нервной дрожи. Омарейл привыкла жить в чистоте, с насекомыми сталкивалась только в оранжерее, а паутину видела лишь в книжках. Но ощущение приближавшейся победы затмевало все неудобства.

Узкая лестница вызывала приступы клаустрофобии, Омарейл время от времени казалось, что проход становился уже,

ей приходилось буквально протискиваться между стенами, и она очень боялась застрять. Но вот проем закончился тупиком, и это означало, что она как минимум смогла добраться до конца тайного хода, не оказавшись зажатой между гладкими камнями.

Ощупав стену, Омарейл надавила на нее, и камни поддались, отъехав в сторону. В следующее мгновение она ощущила на коже освежающий бриз.

От восторга, щемившего душу, ей захотелось плакать: перед ее взором открылся великолепный вид на ночной Рейнфло, Солнечную пристань с яркими огоньками, порт и Торговую сторону Астрара, за которой черными исполинами возвышались горы Монтабарду. Ступив вперед, она ощутила мягкую землю, покрытую высокой, выжженной солнцем травой. Не замечая слез, что текли по щекам, Омарейл прошла вперед по небольшому клочку земли — здесь встретил свой конец Урдрик — и, присев, восторженно коснулась блестящей в лунном свете поверхности реки. Чуть осмелев, она набрала в ладони воды и умыла лицо.

Вдруг какой-то неясный шум заставил ее насторожиться. Сердце Омарейл бешено застучало в груди. Оглянувшись, она увидела, что проем уже был закрыт. Звук меж тем приближался, и стало ясно, что искать вход в убежище поздно. Тогда она юркнула за небольшой куст и сжалась в комок, надеясь, что этого будет достаточно, чтобы остаться незамеченной. Простое серое платье, которое она надела в тот день, сослужило ей верную службу. Моторная лодка Водного патруля проплыла мимо, не обратив внимания на спрятавшуюся принцессу.

Когда опасность миновала, Омарейл позволила себе исследовать покривевшую от времени стену башни. Обнаружив на одном из камней вырезанную букву S, Омарейл нашупала удобную выемку, зацепилась за нее, потянула на себя — и проем открылся.

Стоило ей отойти на пару шагов — и камни вернулись на место. Чувствуя, что кровь текла по венам быстрее обычного, Омарейл сделала несколько вдохов и выдохов и осторожно

прошла вдоль подножия башни, чтобы увидеть, куда вел этот кусочек земли. Не слишком предусмотрительно вдоль стены, соединяющей Черную башню и Часовую, были посажены кусты. Спрятавшись за ними, на четвереньках Омарейл скоро добралась до главных, Северных ворот замка и оказалась у Моста Солнца. Тот служил связующим звеном между островом, на котором был выстроен замок, и сушей. А там Омарейл ждал невероятный, огромный мир. Ее манили улицы Астрара. Ее будто бы звали сотни голосов, доносившихся (или это ей только казалось?) с той стороны моста.

Но сейчас не время. Прогулка по ночных улицам столицы могла быть опасной. Стоило продумать путешествие более тщательно.

Без происшествий вернувшись в свою комнату, Омарейл легла в кровать, но сон долго не шел к ней. Ее мечта как никогда была близка к исполнению. Теперь все было реально! Оставалось предпринять несколько простых шагов — и Омарейл впервые оказалась бы в городе, впервые увидела бы человека, и впервые человек, «кроме трех», увидел бы ее.

Она была на волосок от того, чтобы совершить самое страшное преступление, которое только могла себе представить. И она ждала этого с нетерпением.

II

Астрап

Омарейл проснулась с бешено колотящимся сердцем. Ей было трудно поверить, что она действительно собиралась совершить этот дерзкий поступок. Она, разумеется, знала, что ее жизнь разделится на до и после. Именно поэтому ее волнение, от которого не проходила тошнота, а грудь и горло сжимались от судорог, было неуемным. Но она и представить себе не могла, как все ее существо начнет сопротивляться грядущим переменам.

Еще накануне дня побега она начала видеть «знаки», почти веря, что это сама судьба пыталась отговорить ее от рокового поступка. Чего стоило мгновение, когда она включила радио и из приемника раздалось:

— Она собиралась совершить самую страшную ошибку в своей жизни! Это был конец всего!

Радиоспектакль, с присущей ему драматичной подачей, едва не лишил ее сознания. А чуть позже отец во время своего вечернего визита вдруг заговорил о предсказании, чего он почти никогда не делал.

— Пускай нам выпало такое испытание, — сказал он, — но мы не должны унывать. Нет никакого толку сидеть и грустить о том, какая жизнь нам досталась. Мы королевская семья, нам от рождения не дано большого выбора. Однако мы с достоинством будем встречать свою судьбу и заботиться о жизнях наших подданных.

Сотни мыслей промелькнули в тот момент в голове Омарейл. Но никто не мог знать, что она замышляла, поэтому ответом Королю было просто согласное хмыканье.

— И когда ты станешь королевой Ордора, будешь править, как никто не делал этого до тебя. И не важно, что после на престол взойдут дети Севастьяны. Ты войдешь в историю. Тебя запомнят. Ты будешь самой блестательной правительницей нашего королевства.

— Как думаешь, какое прозвище мне дадут? — улыбаясь, спросила Омарейл, хотя на душе было паршиво. — Я бы хотела Блестательная, но Блестательной была королева Леофа, значит, этому не бывать. Но могу ли я рассчитывать на Великолепную?

— Вполне, — с добротой в голосе отозвался ее отец.

А Омарейл чувствовала ком в горле. Что бы он сказал, если бы узнал о ее замысле?

Но ничто из случившегося не могло заставить ее изменить план. Перед сном она взяла в руки лалу и начала играть одну из любимых композиций. Мягкие, чуть гулкие, волшебные звуки инструмента, похожие на мелодию из музыкальной шкатулки, сумели успокоить нервы Омарейл. Ложась в кровать, она размышляла о том, что все эти совпадения были лишь результатом ее бесконечных дум о побеге. Заведи отец такой разговор в любой другой день, она просто не придала бы этому значения.

Завтрак в то утро остался нетронутым. Она едва дождалась минуты, когда смогла сказать в громкоговоритель: «Прошу меня не беспокоить». И вот в сторону был отодвинут портрет деда, Омарейл готовилась впервые покинуть комнату при свете дня.

Ей удалось без лишних трудностей добраться до Черной башни и попасть в потайной ход. Площадка у подножия замка при свете дня оказалась слишком открытой. Омарейл специально выбрала неброскую одежду, такую же серую, как ее длинные волосы, и удобную — никаких пышных юбок

и плащей, только замшевые брюки и мягкий двубортный жакет со скромной графитовой блузкой под ним. Но даже это, казалось, не могло скрыть ее от чужих глаз.

Спрятавшись в кусты, она какое-то время выжидала. Мимо проплыла лодка патруля, и, едва та скрылась из вида, Омарейл ползком начала пробираться к Мосту Солнца.

Новое увлечение принцессы Ордора — мостостроение — если и удивило кого-то из жителей замка, то никто не подал виду. В собственной библиотеке Омарейл книг, посвященных именно мостам, было ничтожно мало. Зато Бериот, невольно ставший личным библиотекарем Ее Величества, снабдил принцессу трехтомником «Мосты большие и маленькие», старым фолиантом «Мосты и их архитектура» с подробными гравюрами и главной находкой — «Как читать мосты» архитектора Бортерона Риджа.

Омарейл объяснила свое желание узнать все об устройстве мостов тем, что ей пришла в голову мысль построить пешеходный мост своего имени. Он соединял бы Торговую часть города со Спуском Зарати и проходил бы над жилыми кварталами.

Через две недели Омарейл могла описать конструкцию Моста Солнца по памяти. Она составила в голове подробный план, как попасть через ров на главную Площадь Астрара — Площадь Салкан с Домом Совета и Парком Девяти.

Каменная переправа через рукав Рейнфло в свое время считалась вершиной архитектурной мысли. Простоявший без капитального ремонта более четырех столетий, мост и сейчас поражал тонкостью архитектурной мысли и мастерством исполнения. Конструкция состояла из 476 известняковых блоков, пролет моста имел длину 30 метров и ширину 4 метра. Его основание надежно держала мощная опорная арка, перекинутая с одного берега на другой. На ней располагалось восемь малых арок. Те были широкими и высокими там, где мост соединялся с сушей, к центру же они уменьшались. В месте, где встречались самые маленькие пролеты, был размещен позолоченный диск, символизировавший солнце.

36 Сверху мост короновали каменные парапеты, славившиеся

искусной резьбой, — они также представляли собой множество арок, но уже куда более изящных, дополненных ордерами и позолотой.

Расстояние между каждой пятой пролета было небольшим, как и толщина колонн арок. Это позволило Омарейл, чуть спустившись по практически отвесной скале, взобраться в первый пролет, из него, хватаясь за выступавшие камни, пролезть во второй, третий и оказаться в четвертом, где ей пришлось усесться на корточки. Там она зацепилась за парапет и, перескочив через него, попала на Мост Солнца. В теории это казалось пустяковым делом, но те секунды, что Омарейл пришлось пережить, пока она, цепляясь вспотевшими ладонями, перелезала с одной арки на другую, навсегда остались в ее памяти. И то, как она вжималась в посеревший от времени известняк, чувствуя его запах, дыша его пылью. И то, как старалась не смотреть на валуны, что обрамляли воды Рейнфло и были видны на дне — сквозь прозрачную воду. В этом месте река была совсем мелкой. Не такой, чтобы можно было перейти вброд, но такой, чтобы падение с моста высотой двадцать метров оказалось последним приключением в жизни.

Разумеется, Омарейл могла бы просто переплыть реку, но существовало несколько препятствий. Во-первых, замок был построен так, что в этом месте крутые каменные утесы не позволяли ни спуститься к воде, ни выбраться из нее. Плыть же от подножия Черной башни было тяжело, так как пришлось бы бороться с течением. Во-вторых, и это, пожалуй, было главной трудностью, принцесса, всю жизнь проводившая взаперти, не умела плавать. Жизнь в высокой Лебединой башне научила ее не бояться высоты, но вот Рейнфло, бывший границей ее тюрьмы, всегда вызывал трепет, граничащий с ужасом.

Оказавшись на Мосту Солнца, не оглядываясь и не позволяя себе задуматься над собственными действиями, она суетливо пробежала к дорожке Парка Девяти. Одинокая фигура, шедшая от замка к Площади Салкан, не должна

была привлечь излишнего внимания: передняя часть Ордэлиона была открыта для посетителей. Любой житель Астрара и гость города могли пройти через главные, Северные ворота, увенчанные башней с часами, и оказаться в Нижнем дворе. С утра до вечера там было людно: кто-то приходил, чтобы оставить жалобу Королю, кто-то искал встречи с Советником, а кто-то просто любовался главной достопримечательностью столицы Ордара.

Омарейл шла вперед — не останавливаясь и не оглядываясь. Временами ей казалось, что она слышала крики стражи, но никто так и не нагнал ее, не разоблачил и не заставил с поозором вернуться в замок. Вскоре дыхание Омарейл начало выравниваться. Страх уступил место эйфории.

Утром Парк Девяти был пуст. Шел четвертый месяц, и солнце в девять утра было еще низко, влажный воздух пах травой, пробуждающимися цветами и мокрой пылью. Золотая дымка наполняла аллеи, окутывала кусты и деревья. Казалось, еще немного — и среди бутонов можно будет увидеть сказочное существо, о которых Омарейл так много читала в детстве.

Впрочем, ей совсем не удавалось насладиться прогулкой. Ее мысли были заняты лишь предстоящей встречей с людьми, ведь именно в этот момент должно было произойти то, от чего предостерегало пророчество.

Но, будто бы нарочно, вокруг было безлюдно и тихо. Омарейл гадала: заметит ли кто-то, что она не такая, как все? Поймут ли прохожие, что перед ними не просто девушка? Отличалась ли она от них или выглядела совершенно обычно?

Омарейл подошла к воротам, что из парка вели прямо к Площади Салкан и Дому Совета Городов. Площадь была просторной, с двух сторон ее огибала мощеная дорога, окаймленная узкими полосками тротуаров. В центре благоухал великолепный сквер с четырьмя уровнями клумб, поднимавшимися к памятнику — скульптуре Короля Сола, высеченной из черного камня. Ряды самых разных цветов составляли замысловатую композицию, украшенную небольшими фонтанами.

В утреннем солнце позолоченные орнаменты на краю их чаш и шумные брызги воды блестели, точно драгоценные камни, слепя и в то же время не позволяя оторвать глаз. Зеленые ковры газона строго очерчивали границы сквера, утонувшего в вуали из света и переливающихся капель.

Засмотревшись на кусты пыльно-розовых пионов, Омарейл не заметила, как оказалась на проезжей части. Услышав резкий гудок клаксона, она отскочила назад. Мимо проехал автомобиль, его огромные колеса угрожающе заскрипели по мостовой, а извозчик сердито помахал кулаком. Несколько секунд Омарейл ошарашенно смотрела вслед удалявшемуся автомобилю, а затем из ее груди вырвался смешок. Не так она представляла себе первую встречу с живым человеком.

Следующая попытка перейти дорогу была более осторожной: Омарейл посмотрела по сторонам, убедилась, что поблизости не было транспорта, и пересекла улицу.

По тротуару навстречу ей шла женщина. Сердце Омарейл будто бы застыло, забыв, как стучать. Она не знала, куда смотреть: то ли вперед, будто не было ничего необычного в такой встрече, то ли на женщину, которую ей хотелось рассмотреть со всей внимательностью. Они приближались друг к другу, десять шагов, пять... Было ли в облике Омарейл что-то, что выдавало в ней принцессу? Могли ли окружающие, лишь взглянув на нее, догадаться, что перед ними была наследница престола? Женщина прошла мимо, даже не взглянув на Омарейл, а вот последняя еще пару минут не могла успокоить участившийся пульс. Она одновременно волновалась из-за произошедшего и в то же время чувствовала легкое разочарование. Она всегда думала, что такое значимое событие подарит ощущение торжественности момента.

Следом прошла еще одна дама в плотном жакете и длинной юбке с воланами. На ее голове была изящная шляпка с пером. Судя по строгому костюму, это была деловая женщина, спешившая на работу. А вслед за ней прошла высокая девушка в котелке с гoglами, длинном сюртуке и новомодных бриджах. Омарейл проследила за ней взглядом, удивленно отмечая особую манеру двигаться. Раньше ей и в голову не

приходило, что люди могут ходить по-разному, хотя и слышала слово «походка».

Прохожие не обращали на скромно одетую девушку никакого внимания. У нее же шумело в ушах от невероятности происходящего.

Однако с каждым следующим человеком, шедшим на встречу, чувство новизны проходило, и вот Омарейл уже нашла в себе силы не разглядывать пешеходов как диковинных животных.

На той стороне площади возвышалось монументальное здание Совета Городов. Здесь проходили заседания Патеров девяти городов Ордора и их подчиненных — советников, помощников и тех, кто исполнял их решения.

Это было удобное расположение, так как Патеры могли быстро попасть во дворец, чтобы провести совещание с Королем или Советником. И каждый месяц после общей встречи один из них приходил в Лебединую башню и беседовал с принцессой. Так, совсем недавно у нее была встреча с Патером Нортастера, Илом Белорией, а месяцем ранее ее посещал Рон Тоберон из Клоустена. Как правило, разговоры с управляющими городов наводили на Омарейл скуку, хотя она и старалась изображать заинтересованность.

Здание Совета было величественным, оно внушало трепет. Гладкие, матовые стены были окрашены в холодный серый цвет. Постройка состояла из нескольких блоков: центральный представлял собой огромный куб, к нему примыкали блоки поменьше, к ним — еще меньше. На фасаде каждого блока располагались большие окна, увенчанные изображением солнца с длинными бронзовыми лучами. Внизу, вдоль фундамента шел пояс из бронзовых созвездий. Но больше всего внимания привлекали огромные часы с совой, символом Совета, на центральном фасаде. За их стеклянным циферблатом был виден механизм с гигантскими шестеренками.

В двойные деревянные двери главного блока с разных сторон стекались люди. Одни шли с улицы Короля Сола, другие — с улицы Всех Патеров.

Омарейл решила идти в сторону Храма Света. За монументальным Домом Совета начинались обычные двух- и трехэтажные фахверковые дома. По широкой, вымощенной камнем улице Короля Сола ездили автомобили и повозки с лошадьми. По тротуарам уверенно шли по делам люди. Омарейл же была похожа на восторженного путешественника: неспешной походкой она двигалась в быстром потоке людей, рассматривая все вокруг. Она видела множество фотографий этой улицы, но могли ли замершие картинки сравниться с бурлившей реальностью? Все здесь жило, двигалось, менялось. Тут пекарь мыл стеклянную дверь, там цветочница выкладывала яркие тюльпаны в аккуратно сколоченные лотки, а ребенок катал на веревке большую деревянную лошадку.

Астрар был городом, в котором заплутало солнце. Его свет лился по улицам, отражаясь от блестящих, отполированных тысячами ботинок, камней на тротуарах. Луки играли с хрустальными украшениями на фонарях, путались в цветных стеклах магазинных вывесок, вспыхивали в витринах.

Наконец Омарейл увидела заведение, которое она искала. «Ювелирная лавка» было написано на порядком выцветшей деревянной панели над дверью, а в окнах висели таблички с рукописными объявлениями: «купим золото», «драгоценные металлы дорого», «скупка старого золота».

Ей оставалось лишь сдать свои украшения в ювелирную лавку и получить взамен деньги. Как это сделать, она слышала в радиоспектакле, поэтому сумела в самой обыкновенной манере обратиться к ювелиру, обменять два кольца и невозмутимо убрать в карман замшевый мешочек с монетами. Усатый мужчина все проделал молча, едва удостоив Омарейл взглядом. Она же волновалась и изо всех сил старалась молчать, чтобы не сказать лишнего.

Только выйдя из лавки и чуть отойдя, она достала одну монету и сжала ее в пальцах. Настоящие деньги. Золотой диск с изображенным на нем солнцем красиво переливался.

Омарейл долго думала о том, должна ли была ее первая прогулка по Астрару быть короткой, чтобы не испытывать

судьбу, или следовало получить от нее как можно больше. Ведь что-то могло пойти не так и первая вылазка в город могла оказаться последней. Решив, что, раз уж она рискнула благополучием всего королевства и пошла против пророчества, было бы правильно сделать этот день незабываемым.

Омарейл увидела, как многие покупали напитки в глиняных стаканчиках в окошке при кондитерской под названием «Кофейная мастерская Лефу». Она тоже подошла туда. Покупатели передавали продавцу свои стаканчики — и получали их обратно полными кофе.

— А где взять стаканчик? — произнесла она вслух скорее по привычке.

Она нередко разговаривала сама с собой, чтобы не чувствовать себя одиноко. Совершенно неожиданно для Омарейл молодой человек в очереди обернулся к ней и ответил:

— Его можно купить, если нет своего. Три соля.

К счастью, он не смотрел на Омарейл, иначе его могла удивить реакция на такой простой ответ. Она же еще около минуты смотрела на его затылок, не имея возможности даже пошевелиться. Он просто взял и заговорил с ней! Он был так близко! Она чувствовала, как от него пахло чем-то терпким, с нотками трав.

С трудом справившись с удивлением, она достала из мешочка четыре соля и купила на них глиняный стакан, наполненный кофе с молоком и ореховым сиропом, и кусочек рассыпчатого печенья.

Она шла по улице, залитой солнцем, пила горячий бодрящий напиток и любовалась городом. День был прекрасен. И только мысль о последствиях этой прогулки омрачала радость Омарейл.

Внезапно огромная тень накрыла улицу, медленно заволакивая все вокруг, и Омарейл запаниковала. Она понимала, что наказание должно было настигнуть ее, но не ожидала, что это будет так скоро. Сдерживая дрожь, она медленно обернулась и подняла глаза к небу. Что ждало ее там — туча со смерчем, дракон с перепончатыми крыльями и огромными когтями, солнечное затмение? Чего бы она ни заслуживала,

увидала Омарейл лишь дирижабль. Тот величественно проплыл мимо, позволяя солнцу вновь залить улицу. От чувства облегчения Омарейл рассмеялась, не обращая внимания на то, что на нее начали оглядываться прохожие.

Улица Семи Сестер, на которую свернула Омарейл, заканчивалась крутым поворотом, выйдя из-за которого она была вынуждена прикрыть глаза рукой. Площадь Храма Света была устлана огромными белыми мраморными плитами, такими же светлыми, как стены самого храма, отчего в солнечный день величественное белоснежное здание и прилегавший бесконечно длинный двор ослепляли зрителя.

Из-за гладких стен и строгих геометрических форм храм напомнил Омарейл гигантскую пастилу. Две тонкие, вытянутые островерхие башни были совершенно одинаковыми, точно смотрелись друг на друга в зеркало, соединяя их куб, стены которого были сплошь покрыты окнами из голубоватого стекла. Оконный переплет — диагональный, благодаря чему рисунок окон был усеян ромбами, и казалось, что в них встроено не просто стекло, а большие бриллианты.

Слева и справа площадь обрамляли две прямые колоннады, за ними были видны фасады жилых домов, отгороженные черной кованой решеткой.

В центре площади стоял памятник, представлявший собой плоскую стелу из стекла и бетона — конструкция, все еще считавшаяся новаторской, а уж двадцать семь лет назад и подавно показавшаяся всем футуристичной и весьма спорной. Выглядела стела так, будто прямо из мраморных плит вырвался столп бетона, постепенно перешедший в стекло — и так и застывший посреди идеально гладкой блестящей поверхности. Матовый бетон по задумке автора представлял собой основу государственности Ордора, Короля или Королеву. Надежная опора, мощная база, связь которой с Советом Девяти не имеет четких границ. Стекло олицетворяло Совет. Прозрачная, честная система управления, более хрупкая, чем власть Короля, и тем не менее имеющая огромное значение. Стеклянная часть была значительно выше, чем бетонное основание; это говорило о том, что обязанности

и полномочия Совета зачастую были шире королевских. И все же без своей опоры стеклянная конструкция была бы слишком неустойчивой.

Памятник появился здесь в 535 году, за пять лет до рождения Омарейл, и был посвящен пятисотому дню рождения Совета Городов. Именно полтысячелетия назад Король Сол утвердил этот орган власти, велев внести запись о нем в Великий Иетихон — действующий и по сей день свод законов. В Совет входили Патеры девяти крупнейших городов Ордора. Каждый Патер жил и работал в своем городе, служа народу и заботясь о процветании своего родного края. Но раз в месяц они съезжались в Астрар, чтобы обсудить государственные дела и принять важные решения путем голосования. Совет был настолько могущественен, что мог даже оспорить указ Короля. Именно поэтому он имел высокую значимость, и именно поэтому жители королевства очень внимательно подходили к выбору Патера — ведь следующее за выборами десятилетие этот человек представлял их интересы в высочайшем собрании.

На стеклянной части золотыми буквами было начертано: «Каждый стремится, все вместе достигают».

На бетонном основании был высечен девиз Ордора: «Под солнцем процветаю», а под ним — солярный символ, круг с восемью волнистыми лучами, четыре длиннее, а те, что меж них, — короче.

Великолепие площади и храма оставили у Омарейл неоднозначное впечатление. Место было поистине красивым, но из-за огромных пространств даже многочисленные пешеходы не могли создать ощущения многолюдности и обжитости. Оно казалось заброшенным, отстраненным от всего мирского и вызывало неясную тревогу.

Позже Омарейл подумала, что причина заключалась лишь в том, что ее совесть была нечиста. Если бы ее помыслы и дела были так же безупречны, как гладкий мрамор площади, Храм Солнца запомнился бы ей своей ослепляющей и в то же время простой красотой.

Оставив это место, Омарейл отправилась к Театральной площади. Длинная улочка с жилыми домами, без магазинов и лавок, привела ее на большое открытое пространство, окруженное рядом трехэтажных домов с разноцветными фасадами. В центре площади располагалась сцена. Полукупол закрывал ее от возможной непогоды, а вот многочисленные ряды скамеек стояли без всякого навеса. Зато они были ограждены забором. Многие скамьи уже были заняты зрителями, явно ожидавшими начала представления. Омарейл прошла ко входу — небольшой калитке, около которой стоял скучающий охранник с пышными усами.

— Ну, что стоим? Билет покупать будем? — нелюбезно спросил он.

Она опешила. И в этот раз — не только оттого, что с ней заговорил незнакомец, но и от того, как грубо он начал с ней беседу. Омарейл не сделала охраннику ничего плохого, чтобы заслужить такое обращение. Но ответить подобающим образом она была не готова: ее горло просто пересохло, а язык прилип к нёбу, лишая возможности произнести хоть слово.

— Какой билет? — выдавила наконец она.

— Так эпизоды начинаются, — ответил охранник, не глядя на Омарейл.

— Эпизоды? — Полное недоумение в ее голосе заставило собеседника раздраженно вздохнуть.

— Ну, эпизоды. Что ж? Не видела никогда, что ли?

— Я из другого города, — нашлась Омарейл.

Охранника это удовлетворило. Он фыркнул и отвернулся. Однако, через несколько мгновений заметив, что она осталась стоять у калитки, он раздраженно спросил:

— Так что, билет покупать будешь?

Как же ей хотелось поставить его на место! Знал бы он, с кем разговаривал!

Но чуть подумав, она все же решила не привлекать к себе излишнего внимания. Не зная, что за «эпизоды» ее ждали, она все же купила билет и заняла место в третьем ряду. До начала оставалось десять минут, и вскоре все места были заняты, а кое-кто даже расположился прямо на земле. Справа

от Омарейл села рыжеволосая женщина в простом платье из плотного материала, слева устроился молодой человек с копной волос пшеничного цвета. Он закинул ногу на ногу и сложил руки на груди, Омарейл показалось, что так мог бы сидеть не простой зритель, а привилегированный критик.

Женщина пахла хлебом. Ее руки видели много работы, были красноватыми и обветрившимися. Молодой человек пах апельсином, розмарином и ландышами. Казалось, теплый ветерок и ласковое весеннее солнце пропитали смуглую кожу. Его руки были крупными и жилистыми.

Омарейл не осмеливалась рассматривать своих соседей более пристально, хотя ей очень этого хотелось.

Наконец на сцене появился мужчина в парадном одеянии: его темно-синий камзол был расшит золотом, цилиндр блестел на солнце атласной лентой, а ботинки оказались настолько начищенными, что в них можно было увидеть свое отражение.

Хорошо поставленным голосом он произнес:

— «Рамзет и Маледика». Эпизод восемнадцатый. «Открытие». В роли Рамзета — Лето Кастро. В роли Маледики — Шторм Эдельвейс. В роли Афилактиса — Око Вамир...

— Восемнадцатый, — проговорила Омарейл, вновь по привычке разговаривая сама с собой. — Видимо, это спектакль, состоящий из нескольких эпизодов. Как радиоспектакли, только на сцене.

Молодой человек медленно повернулся к ней и внимательно посмотрел.

— Ты с луны свалилась?

Омарейл смогла лишь покачать головой, пока ее взгляд был прикован к светло-голубым глазам юноши. Она никогда не смотрела в глаза другого человека — лишь в свои, в зеркале, и в своих серых глазах она не находила ничего интересного. В этих же, чуть прищуренных, виделось так много: добрый смех, искорка удивления, любопытство.

— В общем, смотри... — Он чуть склонился к ней и зашептал, указывая рукой на сцену: — Это — Маледика, она дочь влиятельного купца. Ее похитили воздушные пираты,

чтобы получить выкуп, но ее спас Рамзет, который сам бежал с дирижабля и прихватил ее с собой. Она притворилась мальчишкой, и Рамзет считает, что пираты поймали ее, точнее — его, за кражу. Маледика считает, что Рамзет — охотник за головами. На самом деле он сын богатого купца. Сбежал из дома еще в юности и теперь пытается самостоятельно пробиться в жизни. Что у него не очень получается. Они вместе направляются в Агру, каждый считает другого преступником.

Это был совершенно новый для Омарейл опыт. Она никогда не осознавала, насколько разные ощущения возникают при разговоре через стену и с глазу на глаз. Видеть мимику собеседника, чувствовать тепло дыхания, наблюдать за движением рук — все это делает разговор настолько красочнее, настолько эмоциональнее. Как наивна она была, полагая, что ее беседы с родителями и подданными были полноценной заменой живому общению. Казалось бы, диалог — лишь обмен информацией, а голосом можно передать сотню эмоций. Но если вас с собеседником разделяет стена, вы многое упускаете.

Актерам на сцене быстро удалось завладеть вниманием Омарейл. Она любила радиоспектакли, никогда не пропускала «Школьные годы», растянутые уже на две сотни серий, часто слушала двухчасовые истории. Но визуальная составляющая столько добавляла к простому повествованию. Насколько иными были диалоги, в которых, помимо слов, были взгляды, жесты... Разве можно показать симпатию Маледики к Рамзету по радио, если все, что выдавало ее, было то, как она тайком рассматривала молодого человека? Когда эпизод закончился, Омарейл аплодировала громче всех.

— Теперь он знает, что Маледика — не мальчик, а девушка, — прокомментировала она, ни к кому не обращаясь.

— Рано или поздно он должен был узнать об этом, — откликнулся молодой человек рядом с Омарейл, и она вздрогнула.

Как легко было забыть о присутствии других людей рядом,

48 когда вся твоя жизнь прошла в одиночестве.

— У них будет романтическая линия, — предположила Омарейл.

— Ну, естественно, — ответил молодой человек, усмехнувшись. — Во-первых, сюжет тут, прямо скажем, не слишком заумный. Во-вторых, Шторм Эдельвейс в другом не играет.

Он кивнул на темноволосую актрису, что сейчас кланялась зрителям и с широкой улыбкой принимала цветы.

— Шторм Эдельвейс... — произнесла Омарейл задумчиво.

— Да-да, — скучающе кивнула ее собеседник, — «та самая».

— Она в «Школьных годах» недавно появилась, верно?

— Трудно найти популярный молодежный спектакль или эпизод, где еще не появилась Эдельвейс.

Молодой человек протянул к ней ладонь.

— Май.

Омарейл озадаченно посмотрела сначала на его руку, затем — на лицо.

— Полагается ответить рукопожатием и сообщить твое имя.

— Ах. Это тебя так зовут! — поняла наконец Омарейл, неуверенно сжимая кончики его пальцев.

По ее телу прошла легкая дрожь: она впервые прикоснулась к кому-то. Ладонь Мая была теплой и сухой. Ощущения в целом оказались приятными.

— Это первое твое общение с живым человеком? — уточнил тем временем молодой человек, высвобождая свои пальцы из ее.

Омарейл взглянула на него настороженно. Он не мог говорить серьезно, и все же...

— Ладно, странная девочка, представься уже, наконец.

Она обвела взглядом толпу, что покидала зрительские места, негромко обсуждая просмотренный эпизод. Ничто из увиденного не помогло ей придумать себе имя.

— Я не хочу, — ответила тогда она и тут же пожалела об этом.

Даже столь неопытному в общении с посторонними людьми человеку было ясно: Май оскорбился.

— Но не потому, что не хочу разговаривать с тобой! — уточнила она поспешно.

Он взглянул на нее с удивлением.

— И почему же?

— Я и причину назвать не могу.

Несколько мгновений Май изучал ее лицо, затем рассмеялся.

— Ладно, надеюсь, ты не шпион. Потому что, если шпион, ты очень плохо подготовилась. Так нельзя, это абсолютный непрофессионализм.

Омарейл улыбнулась в ответ.

— Я не рассчитывала с кем-то знакомиться, — честно ответила она.

— Ты могла хотя бы сорвать. Сказала бы, что тебя зовут Скамейка, и дело с концом.

Май с притворным осуждением покачал головой. Это расмешило Омарейл.

— Пойдем, мы последние. Мне не нравится, как на нас смотрит охранник.

Он жестом предложил ей пройти вперед, а сам пошел следом. Оказавшись за ограждением, Омарейл остановилась и чуть растерянно взглянула на своего нового знакомого.

— Откуда ты? — спросил Май, беря инициативу в свои руки.

Она отвела взгляд.

— Ла-а-адно... что ты делаешь в Астрапре?

— Гуляю, — с готовностью ответила Омарейл. — Я впервые в городе.

Рассказав Маю, что она уже успела увидеть, Омарейл согласилась на экскурсию к Школьному двору.

— Я сам учусь в Астардаре, — сообщил Май. — Это школа, которая расположена на Школьном дворе, самая большая в городе. Она считается одной из лучших в Ордоре.

— В Лебрихане лучшие школы в Ордоре, — заметила Омарейл.

— Верно, — язвительно отозвался Май, — именно поэтому я сказал «одна из лучших». Ты из Лебрихана?

Она смущенно улыбнулась и покачала головой.

Ей нравилось идти в компании с кем-то, хотя сперва было тяжело подстроиться под скорость, с которой шел Май. Она рассматривала его выющиеся волосы, разевавшиеся на ветру. Кожу, покрытую ровным загаром, чуть обветрившуюся и, как она теперь знала, теплую, будто сохранившую питательные лучи солнца. Глаза с длинными светлыми ресницами, смеющиеся, сверкающие.

— Здание довольно старое, — продолжил ее «экскурсовод», — но его частично перестроили пятнадцать лет назад, а недавно сделали ремонт в западном крыле.

— Тебе нравится ходить в школу? — спросила Омарейл с неподдельным интересом.

— Нормально. — Май пожал плечами. — А тебе? И снова эта непонятная улыбочка. Ты можешь просто соврать, чтобы я не умирал от любопытства?

Она рассмеялась.

— Следующий год — последний, — продолжил Май, поняв, что не дождется более ясного ответа. — Говорят, старший класс — тьма кромешная.

— А я хотела бы... — начала было Омарейл, но так и не закончила фразу, так как перед ее взором появилось огромное старинное здание.

— Астардар, — произнес Май с такой гордостью, будто сам возводил эти ворота из грубо отесанного камня и темного чугуна, строил краснокирпичные стены в два этажа и монтировал небольшие прямоугольные стекла в огромные окна.

— По фотографиям все выглядело совсем не так. Очень красиво...

Они прошли через высокие ворота с надписью «АСТАРДАР: СВЕТ ЗНАНИЯ» и оказались в большом прямоугольном дворе с огромной зеленой лужайкой, пышными кустами сирени и коричнево-красными стенами. Здесь находились несколько учеников и двое преподавателей, последних было легко отличить по синим накидкам.

Омарейл с жадностью разглядывала сценки из школьной жизни.

В самом центре лужайки молодые люди изображали дуэль на шпагах, используя линейки. Рядом с ними хихикали три девушки. Около ворот стояли две подруги и демонстрировали друг другу браслеты из ярких бусин. Несколько ребят сидели поодиночке, читая или делая записи в тетрадях. Кое-кто ел бутерброды или яблоки. На одной из дорожек учитель обстоятельно объяснял что-то двум ученикам, но те, казалось, не понимали ни слова. А другой преподаватель кричал что-то, высунувшись из окна, в то время как четверо мальчишек пинали мяч и совершенно его не слышали. Приглядевшись, Омарейл заметила, что это был не мяч, а глобус.

— Почему ты сейчас не в школе? — спросила она у Мая.

— Уроки закончились. — Он пожал плечами. — Ты думаешь, стали бы они показывать эпизоды в это время, если бы все были в школе?

— А-а, я поняла, — протянула Омарейл. — Их в основном смотрят школьники? И они сразу с уроков бегут на Театральную площадь?

— Именно так. А еще Шторм Эдельвейс играет там главную роль. И она тоже учится в этой школе.

— О, серьезно? Я подумала, она старше.

— Слава и деньги старят людей, — вздохнул Май с притворным сожалением. — Она в моем классе. О, проклятье! Уходим.

Но не успел он развернуться, как громкий голос окликнул его:

— Май Джой!

— Господин Дольвейн! — Май расплылся в широкой и неискренней улыбке.

Омарейл же в ужасе застыла. Сперва разум подвел ее, но спустя мгновение она поняла, кто сейчас приближался к ним: Дан Дольвейн, брат Бериота, сын Совы, директор Астардара. Высокий мужчина в длинном темном сюртуке выглядел воинственно и сердито.

Осознание того, как далеко она зашла, накрыло ее с головой. А ведь Сова могла появиться здесь в любую минуту:

Омарейл не имела представления о том, как часто госпожа Дольвейн навещала своего сына. Учитывая, что женщина не имела определенных рабочих часов, она могла делать это в любое время дня.

— Вы, господин Джой, должны были присутствовать сегодня на дежурстве, — повисла пауза, после которой директор весомо добавил: — Но вас там не было.

— Вы уверены, господин Дольвейн, что не увидели меня? — начал Май, хотя Омарейл — да и директору — было понятно, что он попросту выкручивался. — Потому что я смутно припоминаю, как был там.

— Паясничаете, господин Джой. — Складка меж темных бровей директора стала глубже, глаза смотрели недобро.

— Юмор — мой способ справляться со стрессом. А вы явно хотите втянуть меня в стрессовую ситуацию.

Омарейл было смешно слушать, как Май общался с суро-ым Дольвейном, но она старалась не подавать вида: не хватало еще, чтобы директор обратил на нее внимание.

— Вы сами втянули себя в стрессовую ситуацию, а сейчас усугубляете ее своим беспечным поведением. Я бы на вашем месте перестал рисоваться перед дамой и как минимум извинился за прогул.

Наконец с лица Мая исчезла вежливая улыбка. Он действительно выглядел виноватым. Омарейл с уважением отметила то, как, не повышая голоса, директор парой метких фраз пристыдил весельчака.

— Извините за прогул, господин Дольвейн, — пробубнил Май.

Лицо директора немного разгладилось. Теперь он даже выглядел моложе, и Омарейл вспомнила, что брат Бериота был младше того на три года. Дану Дольвейну было тридцать, но из-за мрачного выражения лица и короткой черной бороды Омарейл в первые минуты дала бы ему не меньше сорока. Теперь же она видела, что это был довольно молодой мужчина с умными, чуть прищуренными глазами и широкими бровями, благодаря которым мимика его лица была очень выразительной.

— Вам вменяется три дополнительных дежурства на этой неделе, — сообщил директор и с вызовом поднял бровь.

«Попробуй возрази», — читалось на его лице. Май не посмел.

— Да, господин директор, — обреченно отозвался он.

— Можете быть свободны, — сообщил Дольвейн и выжидательно уставился на Мая. — Вы же куда-то спешили, когда заметили меня. Если не ошибаюсь, вашей последней фразой перед тем, как я настиг вас, было «уходим».

Май нахмурился, развернулся и кивком головы предложил Омарейл следовать за ним.

Он позвал Омарейл пойти пообедать в ближайшую таверну. По пути она спросила:

— Почему ты пропустил дежурство? У тебя не было никаких важных дел.

— Я хотел посмотреть сегодняшний эпизод. — Он пожал плечами.

От виноватого Мая не осталось и следа — он снова довольно щурился от яркого солнца и насвистывал себе под нос какую-то мелодию. Распахнув и без того небрежно накинутый поверх белой рубашки зеленый жилет, он непринужденно засунул руки в карманы.

— Значит, ты знал, что тебе достанется?

Он вновь пожал плечами.

— Что такого особенного в этом эпизоде, что ты готов был пожертвовать тремя следующими ради него?

— Я не думал, что мне дадут еще три дежурства! Я рассчитывал на что-нибудь вроде строгого выговора.

— Но, кажется, господин Дольвейн знал, что это будет слишком незначительным наказанием для тебя, и решил проучить...

— Да. Он у нас очень проницательный, клопов ему под подушку.

В таверне Май посоветовал Омарейл заказать «Шуструю Креветку». Завернутые в лепешку креветки с густым соусом пришли ей по вкусу — королевские повара никогда не гото-

вили ничего подобного. Когда обед уже подходил к концу, как и разговор о самых сложных темах в математике, к их столу подошла высокая девушка.

Сперва Омарейл заметила только длинные волосы цвета кофе и зеленое платье. Затем она обратила внимание на лицо с красивыми округлыми чертами и большими оливковыми глазами. Прежде чем она успела осознать, что уже видела эту девушку раньше, Май надменно поинтересовался:

— Шторм, тебе чего?

И Омарейл поняла, что это была Шторм Эдельвейс, актриса из эпизодов. Та надменно подняла бровь.

— Ну и манеры... — произнесла она чуть хриплым голосом.

— Мы, крестьяне, народ простой...

Шторм закатила глаза, а затем все же, тяжело вздохнув, томно произнесла:

— Ты, кажется, сказал, что не появишься больше ни на одном моем спектакле. Зачем сегодня пришел? Я не хочу тебя там видеть.

— Я подумал, что не смогу критиковать твою посредственную игру, если не буду посещать выступления, — иронично ответил Май.

Омарейл неприятно удивилась тому, как грубо — несмотря на дружелюбный тон — разговаривал Май с этой девушкой.

— И не сможешь раздражать меня, что более важно, — отозвалась Шторм. — Ведь в этом цель твоего жалкого существования.

— Ну, по-твоему, в этом цель всех, кто тебя окружает.

Шторм просто недовольно фыркнула, а затем перевела взгляд на Омарейл.

— А это кто? — спросила она, и грубость Мая вдруг перестала казаться такой уж вызывающей.

Омарейл изобразила на лице легкое недоумение, и Май рассмеялся.

— Кто ты? — обратилась Шторм к ней напрямую, игнорируя реакцию обоих собеседников.

Снисходительно улыбнувшись, Омарейл ответила:

— Мы с вами незнакомы и едва ли будем, так что мое имя совершенно не имеет значения.

Почему-то она была уверена, что ее предельно вежливый ответ — несмотря на явную грубость Шторм — вызвал раздражение. Может быть, она поняла это по тому, как недобро сузились глаза собеседницы, может быть, по тому, как она сжала пухлые губы.

Омарейл не могла перестать восхищаться тем, какую палитру эмоций могло выразить лицо, как много говорили глаза. Раньше ей это было недоступно — хотя она видела себя в зеркале, смотрела тайком пронесенные Севастьяной журналы, где нет-нет да можно было встретить сердитые или счастливые лица. Но лишь теперь, поговорив с живыми людьми, она поняла, насколько больше дает беседа с глазу на глаз.

Впрочем, голос и интонации тоже обладают большой силой, по ним Омарейл научилась хорошо чувствовать эмоции людей. Вот, например, присутствуя при разговоре двух, казалось бы, противников, она слышала, как чуть дрожали их голоса, выдавая волнение и стремление сдержать истинные чувства. Оба пытались выглядеть спокойнее, чем были на самом деле. Омарейл могла ошибаться, но ей показалось, что Май и Шторм не просто недолюбливали друг друга — их отношения были куда сложнее.

— Ладно, без разницы. — Шторм небрежно махнула рукой, а затем снова повернулась к Маю: — Хочешь — приходи на спектакли, хоть посмотришь, как это выглядит, когда у людей есть талант.

Она уже развернулась, чтобы уйти, хлестнув волосами тарелку Омарейл, но Май вдогонку ей бросил:

— Нет, спасибо, меня и сегодня чуть не вытошило от ваших...

— Май, — прервала его Омарейл, и Шторм отправилась к своему столику, сделав вид, что не услышала последней эскапады. — Май, это уже лишнее. Если хочешь победить в словесной баталии, всегда держи лицо. Даже если против-

ник пытается окунуть тебя в грязь, оставайся выше этого. Только так можно победить.

Май несколько мгновений внимательно смотрел на Омарейл, а потом скривился:

— Чушь собачья. Побеждает тот, за кем осталось последнее слово. А это может быть только тот, кого не призывают заткнуться посреди предложения.

Омарейл усмехнулась и решила не продолжать разговор на эту тему. Вдруг, опомнившись, она взглянула на часы.

— Луна и Солнце! Мне нужно срочно идти.

Она выскочила из-за стола и замерла в нерешительности. Затем, порывисто обняв Мая, бросилась прочь.

— Так и не скажешь, как тебя зовут? — крикнул ей вслед чуть растерянный Май.

Она оглянулась через плечо, загадочно улыбнулась и выбежала из таверны.

III

Утесы Мими

Омарейл стала видеть совсем другие сны. Она и вообразить не могла, как ее жизнь изменится после побега из Орделиона. Думая только о гражданской войне и пророчестве, она совершенно не принимала во внимание свою человеческую природу. Однажды вкусив свободы, невозможно было и дальше оставаться в клетке.

Двадцать два года Омарейл могла лишь догадываться, чего лишена. Теперь она знала, и это знание не давало ей покоя.

Целый месяц она запрещала себе думать о жизни за пределами замка. Она сосредоточилась на учебе, много времени проводила в беседах с Севастьяной, читала книгу за книгой. Все что угодно, только бы не думать о манящих, залитых солнцем улицах Астрара.

А ведь они были так невыносимо близко. Омарейл знала, как без труда покинуть замок и как вернуться в него незамеченной. Никто бы ничего не узнал...

На тридцать третий день Омарейл позволила себе мысль о повторной прогулке.

— Каково это — быть обычным человеком? — спросила она однажды у Бериота, который, единственный из ее постоянного окружения, вел жизнь простого, хоть и знатного, гражданина.

— Довольно обычно, — отозвался Бериот.

— Ничего, что я назвала вас обычным? — уточнила Ома-

рейл после паузы. — Вас это не обидело?